

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ / В.И. Кудашов
подпись инициалы, фамилия

«__» _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия
код — наименование направления

Критерии истинного знания в аналитической философии
тема

Руководитель _____ доцент, канд. филос. наук Е.В. Григоренко
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ К. А. Максимов
подпись, дата инициалы, фамилия

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1 Анализ истины в философии	5
1.1 Проект теории истины.....	5
1.2 Знание и истина.....	9
1.3 Истинность и обоснованность	12
1.4 Место критериев истины в теориях истины	14
2 Корреспондентная теория истины в аналитической философии.....	16
2.1 Критерии истины в теории Г. Фреге.....	16
2.2 Критерии истинного знания в корреспондентной теории Б. Рассела	19
2.3 Критерии истинного знания в раннем учении Л. Витгенштейна	23
2.4 Преобразованная корреспондентная теория Дж. Остина	26
3 Не-корреспондентные теории истины и их критерии в аналитической философии	30
3.1 Семантическая концепция истины А. Тарского	30
3.2 Когерентная теория истины в аналитической философии	33
3.3 Тарскианско-реляционная теория Д. Дэвидсона	36
3.4 Верификационизм М. Даммита	41
3.5 Дефляционная теория истины в аналитической философии	44
3.5.1 Дефляционная теория истины А. Айера	44
3.5.2 Разновидности дефляционизма и близкие ему теории.....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	53

ВВЕДЕНИЕ

Истина являлась и до сих пор является одним из самых обсуждаемых и, одновременно с этим, проблемных понятий в философии. Такие разделы философии как гносеология, эпистемология и логика кажутся немислимыми без этого понятия. Видна и явная аксиологическая (ценностная) значимость истины. Любой разговор — от высоконаучного до бытового — вынужден считаться с данным понятием. Но почему? Является ли истина частью самой природы или же это лишь инструмент, созданный человеком? Каковы пути ее достижения? Ее критерии?

Поэтому вопросы, касающиеся истины, критерия истины и истинного знания являются актуальными ровно настолько, насколько важную роль занимают процессы познания и языковой коммуникации. Определение релевантных критериев истины поможет продвинуться в эпистемологических и коммуникационных вопросах.

Объектом работы является истинное знание в аналитической философии.

Предметом исследования выступают критерии истины в теориях истины аналитической философии.

Целью работы является анализ специфики критериев истины и рассмотрение того, какое место они занимают в формировании истинного знания в аналитической философии.

В связи с указанной целью можно выделить следующие задачи:

1. Проанализировать сущность теории истины, сопоставить истину со знанием и обоснованностью, определить какое место в ней занимает критерий истины;
2. Выявить специфику критерия истины в корреспондентной теории истины;
3. Разобрать не-корреспондентные теории (семантическую, когерентную, реляционную, верификационную, дефляционную) выявив их критерий истины.

Гипотеза: эмпирическое знание корректно анализировать не через критерии истинности, а через критерии обоснованности.

Данная тема активно разрабатывается многими авторами. Относящуюся к ней литературу можно разделить на два вида: во-первых, это работы внутри определённого подхода к истине; во-вторых, сравнительные систематизирующие работы над работами первого вида. Конечно, работы первого вида тоже зачастую содержат некоторые рассуждения, присущие работам второго вида, но они составляют в них лишь незначительную часть. Разработкой проблематики первого вида занимались: Б. Рассел, Г. Фреге, Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи, Л. Витгенштейн, А. Айер, Ф. Рамсей, У. Куайн, Дж. Мур, Дж. Остин, А. Тарский, П. Стросон, Х. Патнем, Р. Рорти и др. На пересечении нескольких теорий находятся М. Даммит и Д. Дэвидсон. Литературы, посвященной проблематике второго вида, которая нам наиболее интересна, значительно меньше, особенно русскоязычной. Работа 1977 года Э. М. Чудинова, будучи когда-то весьма популярной, устарела. Наиболее актуальными работами на русском языке являются: работа Р. Киркэма [15], переводы некоторых статей из «Стэнфордской Энциклопедии философии» [8, 12, 35, 42, 44], выпуск № 14 журнала «Финиковый компот» [38], некоторые главы из работы М. В. Лебедева [2]. Из непереведенных следует отметить работу А. Бёрджеса и Дж. Бёрджеса [45], работу В. Кюнне [48]. Отметим также то, что проблематика истины и знания в отечественной философии разрабатывалась преимущественно в рамках философии науки и ещё слабо разработана в рамках философии языка.

В общем, работа структурно состоит из трёх глав: первая глава включает четыре параграфа, вторая глава состоит из четырех параграфов, третья глава имеет пять параграфов, при этом, последний делится на два подраздела. Работа также включает содержание, введение, заключение и список использованных источников. Количество страниц в целом составляет 57, из которых: 45 приходятся на основную часть, 2 – на введение, 3 – на заключение, 5 – на список использованной литературы, 1 — на содержание.

1 Анализ истины в философии

1.1 Проект теории истины

Часто можно услышать о том, что какой-то философ придерживается определённой теории истины или что конкретный взгляд на истину можно классифицировать как соответствующий определённой теории истины. Но что понимается под «теорией истины»? На какой языковой эквивалент мы могли бы заменить это понятие, чтобы раскрыть смысл последнего? Обыденная интуиция подсказывает, что речь идет о чем-то вроде «совокупности взглядов относительно такой вещи как истина». Но этот ответ не удовлетворителен по следующим причинам: во-первых, в обоих выражениях содержится слово «истина» и, объясняя ее, мы впадаем в круг; во-вторых, можно заметить, что объяснение получило, скорее, понятие «теория», но и оно слишком грубо. Соответственно, нужно дать лучшее объяснение тому, что в данном выражении понимается под теорией, а также выяснить — возможно ли дать определение истины в данном понятии и нужно или нет это реализовывать.

Необходимо начать со второго вопроса. Мы можем говорить о теории истины в двух контекстах: как о какой-либо конкретной теории и как о теории истины как таковой. Далее — в рамках первой главы — говоря о первой, будем использовать словосочетание «теория истины», а говоря о второй, «Теория Истины». Одна из теорий истины может дать истине одно определение, а вторая — другое. Обе они, как виды, будут принадлежать родовой для них Теории Истины. Следовательно, находясь в контексте видовой топики, представляется возможным дать определение истине. Если же попытаться дать ей определение в контексте Теории Истины, то ее видами должны считаться теории, разделяющие её определение истины, но отличающиеся между собой в других аспектах. Также сама эта родовая теория с определением истины, будет, с другой стороны, видом родовой для нее теории без определения истины. В предельно общем понимании, Теория Истины, которая не является видом ни

для какой другой Теории Истины, не может давать определение истине. Это и не особо нужно, ведь основное назначение обращения к такой родовой теории — проверить, на одни ли и те же вопросы дают ответы несколько альтернативных теорий истины, или, все-таки, на разные.

Теперь вернемся к понятию «теории». Можно ли трактовать это понятие в узком, научном смысле как «высшую, наиболее развитую форму организации научного знания, дающую целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности» [24, с. 42]? Аргументом против этого может выступить принадлежность истины как предмета исследования к определенным дисциплинам. Исследованием истины занимается, в основном, эпистемология (гносеология) и философия языка. Обе относятся к философии, а не к науке. Слишком смелым будет и однозначное отнесение истины к области действительности. Очевидно, «теория» понимается в каком-то другом ключе, хотя и не обязательно, что очень широком или обыденном. Так, «теория» чего-либо может быть определена как совокупность согласованных и аргументированных предложений.

Можно рассматривать эти предложения как множество ответов на некие вопросы. Теории истины обычно пытаются ответить на следующие вопросы: «Что есть истина?», «Каковы критерии истины?», «Что значит, что нечто истинно?», «Что является носителем истинности?», «Что мы подразумеваем под понятиями «истина» и «ложь»?», «Как мы употребляем понятие «истина»?» Вопрос о том «Что истинно?», вопрошающий о выявлении всего множества конкретных вещей, которые являются истинными, не относится к предмету теории истины. Ей безразлично, являются ли предложения «Квадрат имеет четыре прямых угла» и «Невозможно движение со скоростью большей, чем скорость света» истинными. Это уже вопрос не истины, а знания, и занимаются этим конкретные науки. Рассматривая различные теории истины как дающие различные ответы на один (или одни) и те же вопросы, можно говорить о том, что они следуют одному проекту теории истины. Можно сказать, что родовая Теория Истины и будет этим проектом.

Введение этой абстракции сверх конкретных теорий истины может показаться бесполезным и даже вредным, так как плодит лишние сущности. Но это позволяет сопоставлять и классифицировать теории истины. Как такового общего и единого проекта теории истины, которую бы разделяли все авторы — не существует. Но это высказывание не тривиально, потому что авторы, выдвигая свою теорию (ответы), вместе с тем, часто не осознавая, выдвигают и проект (вопросы). Если автор одной теории обвиняет другого в том, что он не дал критерий истине, а второй обвиняет первого в том, что тот не ответил, что же все-таки собой представляет истина, то они просто следуют разным проектам. Их теории несоизмеримы и не представляют альтернатив друг другу, они вообще не являются теориями одного и того же. Из этого следует, что не каждая теория истины должна давать, например, понятие истины. Она может изначально не ставить перед собой такой задачи. Следует понимать и то, что автор не обязан действовать в рамках лишь одного проекта — он может давать разные ответы на разные вопросы, в связи с чем, его будет сложно классифицировать как приверженца именно теории *x*, а не теории *y*.

Еще одним важным моментом будет то, что теории истины следует отличать от теорий обоснования. Последние интересуются причинами, по которым мы поддерживаем те или иные полагания [2, с. 405]. Они не утверждают условий истинности пропозиции, но утверждают условия для обоснования нашей уверенности в пропозиции. Действительно, при неосторожности можно отождествить истинность чего-то с нашей уверенностью в этом. Примером данного смещения может быть Н. Решер, который изначально позиционировал свою теорию как когерентную теорию истины, но позже, признав, что его теория конкурирует с фундаментализмом (теорией обоснования), стало очевидно, что его теория представляет собой когерентную теорию обоснования [15, с. 48].

Другой вопрос, который уже упоминался в одном из предыдущих абзацев — «Что является носителем истинности?» — может быть перефразирован как «Какого рода вещи могут быть истинными или ложными?»

Принято различать условия или факторы истинности (truth-makers) и носители истинности или истинностного значения (truth-bearers) [49]. Примером первого может быть факт, событие, ситуация и т. п., а примером второго — предложение, пропозиция, убеждение и т. п. Зачастую, носители истинности не уточняются или перечисляется сразу несколько вариантов. Это делается для сохранения большей нейтральности теории. Однако, в большинстве случаев, носителями истинности выступают языковые конструкции, имеющие форму повествовательных предложений, описывающие какой-либо предмет. Понятия не являются носителями истинностного значения.

В данной работе различие между высказываниями, суждениями, пропозициями и предложениями опускается, они будут пониматься как синонимы, обозначающие предложения, которые могут быть истинными или ложными. Исключением являются некоторые параграфы, где различие оговаривается.

Вышесказанное затрагивает тему истинностного значения. Это понятие принадлежит логике и может показаться, что существует различие между истиной в логике и истиной вне этой науки. Но логика — это не теория истины и она не имеет своего определения истины. Логика оперирует ей лишь как значением, которое можно исчислять и интерпретация этого значения может быть различной. В этом плане она нейтральна, а истинностное значение вполне применимо к естественному языку. К тому же, сложно себе представить, что мы можем иметь в виду, говоря о внелогической истине, так как даже откровение и интуиция прекрасно согласуются с ней, ведь они являются причинами, из-за которых нечто приобретает значение «истинно». Исследуя количество истинностных значений, важно сказать о том, что существуют многозначные логики, но в данной работе, за мелкими исключениями, будут анализироваться случаи в рамках классической двузначной логики. Данный вид логики рассматривается как идеал, отвечающий требованию простоты.

Таким образом, проект теории истины представляет собой один или несколько вопросов, на которые теория истины, разделяющая этот проект,

должна дать ответы. Предлагая свою теорию истины, авторы имплицитно следуют какому-то проекту. Экспликация вопросов, на которые пытается ответить конкретная теория истины, позволяет: во-первых, выявить, является ли предметом теории собственно истина или обоснование; во-вторых, избежать лишней конфронтации с несоизмеримыми теориями, следующими другому (или другим) проекту; в-третьих, осознать, что на некоторые вопросы (например, дать определение истине) должна отвечать не всякая теория. Относительно всеобщим даже для различных проектов можно считать то, что истина выступает как одно из истинностных значений, а также то, что носителями истинности объявляются убеждения, предложения или пропозиции.

1.2 Знание и истина

Главная задача параграфа: прояснить содержание знания, и каким образом оно взаимосвязано с истиной.

Знание классически противопоставляется мнению, а глубокое и полное знание — поверхностному, фрагментарному знанию (заблуждению) [23, с. 51]. Одним из самых распространенных определений знания является дефиниция, принадлежащая Платону: «...на вопрос, что есть знание, можно ответить, что это правильное мнение со знанием отличительного признака. Ведь присоединение объяснения заключалось именно в этом» [26, с. 326]. Данное определение в середине XX века оспорил Э. Геттиер [7, с. 231]. Его вывод состоит в том, что такие условия как — (1) истинность, (2) обоснованность и (3) убежденность — являются не достаточными для того, чтобы мнение, удовлетворяющее им, могло считаться знанием. Очевидно, что определение должно быть модифицировано необходимым условием (несколькими условиями) так, чтобы их совокупность была при этом достаточной. Я. Шрамко приводит 4 различных условия, которые формулировались как ответ на эту проблему, но для всех них также были построены контрпримеры и данная проблема, как он замечает, до сих пор остаётся открытой [2, с. 362]. Можно

лишь предположить, что проблема заключается во (2) условии: не всякое обоснование является корректным или правильным, даже если ведет к истине.

Исходя из этого определения, может возникнуть мысль рассматривать знание, а не пропозицию в качестве носителя истинности. Но это в большинстве случаев некорректно. Во-первых, если следовать приведенному определению знания, то носителем истинности можно было бы рассматривать не знание, а мнение. Во-вторых, существуют разные виды знания и некоторое знание, вероятно, не характеризуется тем, что оно истинно. Разберём два этих возражения подробнее.

Можем ли мы рассматривать мнение в качестве носителя истинности? Если мнение носит пропозициональную форму — то можем, хоть и с уточнениями. Если же под мнением понимается что-то чуждое пропозициональной форме — то нет. Пусть мнение выражается в форме предложений, тогда возможны два варианта: а) мнение выражается одним суждением; б) мнение выражается множеством суждений. В первом случае проблем нет — истинное мнение есть то, что выражается в истинном суждении. Во втором случае получается ситуация подобная той, когда говорят, что «Эта теория истинна» или «Эта система истинна». Если истинное мнение представляет лишь конъюнкцию истинных суждений, то это всего лишь способ сказать «А» вместо « $a_1 \& a_2 \& a_3 \& \dots a_n$ ». Но если истинность такого мнения понимается с неким холизмом, то следствием этого будет то, что цельное мнение в большей мере истинно, чем выражающие его суждения по отдельности, и, возможно, даже в сумме. Теперь об уточнениях: (У) мнение может рассматриваться как носитель истинности лишь тогда, когда может быть выражено таким предложением, которое является носителем истинности. Так, мнение, что «Петя должен научиться играть на гитаре» вряд ли может быть носителем истинности в связи с тем, что оно нормативно, а не описывает что-то.

Теперь рассмотрим вопрос о видах знания. Одним из путей будет разделение на «знание что» и «знание как». Процитируем Г. Райла:

«Существует как определенный параллелизм между «знанием *как*» и «знанием *что*», так и некоторые различия. Мы говорим об обучении тому, как играть на музыкальном инструменте, аналогично тому, что нечто является фактом; говорим о том, как постригать деревья, и о том, что римляне встали лагерем в определенном месте. Мы говорим, что позабыли, как вязать рифовый узел, и что по-немецки «Messer» значит «нож». Мы можем интересоваться *как*, а можем стремиться узнать — *действительно ли*» [28, с. 37]. Истинность применима только к «знанию что». «Знание как» представляет умения. Человек, обладающий знанием «как завязывать шнурки» обладает неким знанием, но едва ли можно сказать, что его «знание как завязывать шнурки» — истинно.

Другое деление предлагает Б. Рассел. Существует знание вещей и знание истин [32, с. 56]. Первое имеет два подвида: по описанию и по знакомству. «Рассел подчеркивает, что знание вещей по знакомству значительно проще любого знания истины и логически независимо от него. Знание же вещей по описанию, наоборот, всегда включает в качестве источника и основы определенное знание истины» [2, с. 355]. Знание по знакомству бывает: из непосредственных чувственных данных; по памяти; по интроспекции. Знание по описанию выражено в теории дескрипций философа. «Будем говорить, что объект «познан по описанию», когда мы знаем, что он «такой-то и такой-то», т. е. когда мы знаем, что имеется один объект, и не больше, имеющий определенное свойство; в общем, предполагается, что мы не имеем знания-знакомства с этим объектом» [32, с. 60]. Знание истин, в свою очередь, бывает непосредственным — интуитивное или самоочевидное знание — и производным от него. С точки зрения поздней терминологии Рассела можно отождествить «знание истин» со «знанием фактов» [2, с. 357].

Следует отметить, что две данные классификации не взаимоисключают друг друга, а потому могут обе быть применены для уточнения того знания, которое связано с истинностью. Сначала применяем деление Г. Райла, так как все расселовские виды знания относятся к «знанию что». Далее, вместе со «знанием как» отбрасываем знание вещей. Только оставшееся знание связано с

истинностью. И это прекрасно согласуется с нашим уточнением (У), поскольку знание истин (фактов) выражается в таких же предложениях. Говоря об аналитических эпистемологических концепциях, Я. Шрамко отмечает, что для многих из них «В качестве основного вида знания, *знания в собственном смысле*, рассматривается именно *пропозициональное знание*, то есть знание о том, что имеет место тот или иной факт» [2, с. 358].

Обобщим вышесказанное. Рассматривая вопрос истинного знания в аналитической философии, нам следует ограничиться пропозициональным знанием. Мнение выражается в пропозициях. Если последние истины, корректно обоснованны, и мы в них убеждены, то такие пропозиции (это может быть одна пропозиция или конъюнкция нескольких) представляют собой знание.

1.3 Истинность и обоснованность

Вышеприведенное определение знания, как исходное, так и дополненное каким-либо дополнительным условием, показывает один важный момент — истинность и обоснованность понимаются как две различные вещи. Иногда эти понятия смешиваются, т. е. автор какой-либо теории истины неосознанно подменяет вопрос об истине вопросом об обосновании, или они отождествляются, т. е. автор осознаёт, что это два вопроса, но считает, что эти вопросы, на самом деле, об одном и том же. Примером смешения может служить Н. Решер, а примером отождествления можно считать А. Айера. В данной работе мы будем придерживаться позиции, что эти вопросы подразумевают различные ответы. Например, одно из возражений может быть таким: если истинность и обоснованность есть одно и то же, то не существует истинных суждений, которые невозможно обосновать, а, следовательно, это обязывает нас встать на позиции гносеологического оптимизма. Эта позиция не является чем-то нежелательным, однако, отделение истинности от

обоснованности, позволяет занять нейтральную позицию по этому вопросу — быть гносеологическим оптимистом или пессимистом.

В связи с принятием данного разделения требуется прояснить критерии, по которым можно было бы отделять теории истины от теорий обоснования. Обратимся к способу, который предлагает Р. Киркэм: «Когда философ начинает говорить, что критерий является *практическим*... если философ, занимающийся истиной, говорит о «степенях истинности», как если бы одни пропозиции были «правдивее» других...если теоретики говорят о пропозициях, которые *становятся истинными*, как если бы истинность случалась с пропозициями, мы принимаем это как доказательство, хотя и не решающее, что он или она придерживаются проекта обоснования и что он или она действительно подразумевают под тем, что пропозиции могут быть обоснованы как *вероятно истинные*» [15, с. 54-55]. Итак, три признака: (1) критерий истины позиционируется (а возможно и является) *практическим*; (2) истинность понимается не двузначно (либо истина, либо ложь), а многозначно; (3) об истинности говорится, не что она есть или её нет, но что она случается с носителями истины. Относительно (2) и (3) он отмечает, что их наличие не может рассматриваться как решающее доказательство во всех случаях, потому как: (2.1) некоторые философы убеждены, что истина буквально имеет степени (Б. Бланшар) и (3.1) некоторые философы считали, что истина буквально есть нечто, что происходит с идеей (Д. Дьюи) [15, с. 522]. Тем не менее, их наличие, особенно в совокупности, даёт обоснование нашей классификации теорий.

Следовательно, вопрос о классификации теорий как теорий обоснования или теорий истины решается по следующим критериям: а) критерий истины носит *практический* характер; б) истинность не двузначна, а имеет множество значений; в) истина случается с пропозицией.

1.4 Место критериев истины в теориях истины

В параграфе будет представлено решение следующего вопроса: «Какую роль играют критерии истины в её содержании и определении?»

Одним из вопросов, который может ставить перед собой проект теории истины является: «Каковы критерии (или критерий) истины?» Критерии представляют собой достаточные и необходимые условия, наличие которых позволяет сказать, что нечто является истинным, а их отсутствие — что нечто является ложным. Не будет ошибкой сказать, что поиск критериев служит выявлению сущности истины, но не служит обнаружению появлению практического метода определения истинности конкретных носителей. Последнее - есть критерий теории обоснования.

Говоря о том, что критерий истины служит выявлению её сущности, мы допускаем, что посредством критерия истине может быть дано некоторое определение. Однако связь критерия и дефиниции не однозначна. М. Даммит замечает, что «Мы не можем, в целом, предположить, что мы предоставляем соответствующее истолкование понятия, описывая те обстоятельства, в которых мы используем или не используем соответствующие слова, т. е. описывая использование этих слов. Мы должны также дать истолкование сущности понятия, объяснить, для чего мы используем это слово» [10, с. 193].

Примерно такая же неясная связь существует между понятиями «критерий истины» и «фактор истинности (truth-maker)». Может возникнуть желание их отождествить, что будет ошибкой. Для примера следует обратиться к анализу когерентной и корреспондентской теорий истины. В первой критерием того, что пропозиция истинна, будет наличие согласованности с другими пропозициями, фактором истинности будут пропозиции, с которыми она должна находиться в согласованности. Во второй критерием того, что пропозиция истинна, будет её соответствие реальности, факторами здесь обычно выступают факты, события, ситуации, «истина», существующая как референт в реальном мире, как у Г. Фреге. Реальность обычно не упоминается в

качестве фактора. Следовательно, критерий истины и фактор истинности не могут заменять друг друга во всех контекстах, хотя они связаны между собой. Эта связь может выражаться в форме того, что факты составляют реальность. Это наблюдается в ранней концепции Л. Витгенштейна: «1.1. Мир — совокупность фактов, а не предметов... 1.2. Мир членится на факты» [4, с. 12].

Резюмируя, можно сказать, что задача поиска критерия истины — это задача выявления необходимых и достаточных условий, при которых пропозиция истинна. Посредством представления критерия может быть дана дефиниция истине, которая, тем не менее, не исчерпывает её полностью. Критерий истины не есть то же самое, что и фактор истинности. При этом следует помнить, что вопрос о критерии подразумевает определенную программу. Поэтому не будет удивительным, если какая-то теория истины не даёт этот критерий. Нет никаких способов заранее выделить только те теории истины, которые имеют дело с критерием. Поэтому изначально необходимо анализировать тот момент, подразумевается ли он в них, и если да, то каков он.

Подведём итоги главы.

Сущность разных теорий истины различна и зависит от проекта, в рамках которого она находится. Как следствие, основа всех теорий не сводится к поиску критериев истинности. Взаимоотношение истины и знания таково: знание — есть знание фактов, которое выражено в пропозициях, в которых мы убеждены, которые истинны и корректно обоснованны. Истинность и обоснованность составляют два различных аспекта знания. Зачастую, они сознательно или несознательно отождествляются. Критерий истинности представляет собой достаточные и необходимые условия для того, чтобы суждение было истинным.

2 Корреспондентная теория истины в аналитической философии

2.1 Критерии истины в теории Г. Фреге

В параграфе будет проанализирована корреспондентная теория истины Г. Фреге и представлены её критерии.

Готлоб Фреге считал, что многие проблемы коренятся в несовершенстве языка и для их разрешения может быть создан идеальный язык исчислений. Для того чтобы перейти к анализу истины в работах этого философа, необходимо сделать экскурс в его теорию значения.

Можно выделить два вида знаков у Г. Фреге: имена собственные (слова или выражения) и предложения. Вторые состоят из первых. Для решения различных языковых проблем философ вводит различие между смыслом и значением, которые относятся к знаку: «...знаку соответствует определенный смысл, а этому последнему — определенное значение, тогда как одному значению (одному предмету) соответствует не единственный знак» [40, с. 231]. Значением слова или выражения является какой-либо предмет. Пример, который он приводит — словосочетания «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда», у которых одно и то же значение (планета Венера), но при этом разный смысл. Смысл собственного имени — есть то, что знак выражает, это не субъективное представление, а достояние многих.

Переходя к смыслу предложений, он отмечает, что им является мысль. Здесь следует уточнить, что речь идет об обычном (прямом) смысле и значении, а не о косвенном (закавыченном). Г. Фреге пишет: «Быть может, следует признать, что всякое грамматически правильно построенное выражение, выполняющее роль собственного имени, всегда имеет смысл. Однако это не значит, что смыслу всегда соответствует некоторое значение. ... если мы понимаем смысл, это еще не значит, что мы с уверенностью располагаем и некоторым значением» [40, с. 231]. Предложение, составные части которого (слова и выражения) не имеют значения — также не имеет

значения. По утверждению философа, именно стремление к истине подталкивает нас следовать от смысла к значению. Мы можем довольствоваться лишь смыслом в театре или художественной книге, но когда нам важна истинность предложения, мы начинаем анализировать значение составных его частей, и если не обнаруживаем в них значения, то и смысл данного предложения теряет для нас ценность.

Если значением собственных имен были предметы и мы рассматриваем предложения как выполняющие роль имен собственных, то и их значением тоже будут предметы, но другие. Этими предметами будет истина или ложь. «На каждое утвердительно-повествовательное предложение, относительно которого ставится вопрос о значении его слов, надо, таким образом, смотреть как на собственное имя, причем на такое, значение которого, если таковое существует, есть либо истина, либо ложь» [40, с. 235]. Получается, все истинные предложения имеют одно и то же значение, это же верно и для всех ложных предложений. То, что истинностное значение есть значение предложения, подтверждается тем, что возможно заменить часть предложения другим выражением с таким же значением, но иным смыслом — значение предложения останется при этом без изменений.

Следствием из того, что все истинные пропозиции являются знаками, которые обозначают такой предмет как истина, является отнесение Г. Фреге к сторонникам корреспондентной теории истины. Природа корреспонденции носит у него обозначающий характер, т. е. соответствуют действительности те пропозиции, которые именуют истину.

Попытаемся теперь эксплицитно сформулировать критерий истины. Возможны две следующие формулировки: (1) Пропозиция является истинной, если и только если её составные части имеют значение; (2) Пропозиция является истинной, если она обозначает истину. Начнем с первой формулировки, которая имеет два подпадающих под неё случая: (1.1) когда составные части в простом предложении обозначают предметы; (1.2) когда составные части в сложном предложении обозначают истину или ложь и

связаны между собой логической связкой. Примерами предложений для первого случая будут: «Президент России мужского пола» и «Базаров мужского пола». Знак «президент России» обозначает существующего человека и данное высказывание истинно, когда мы проверим, подпадает ли эта вещь под понятие «мужской пол». Во втором примере знак «Базаров» не имеет значения и, как следствие, все предложение не имеет значения. Оно не ложно, а бессмысленно, по крайней мере, с познавательной точки зрения, которая нас интересует. Примером для (1.2) может послужить конъюнктивное предложение «Президент России мужского пола и президент США мужского пола». Оба входящих в него составных предложения имеют своим значением истину, а условием истинности конъюнкции является истинность обоих переменных, следовательно, все сложное конъюнктивное предложение тоже истинно. Первая формулировка критерия маловероятна, особенно случаи первого вида, так как составные части простых ложных предложений тоже имеют значение. В лучшем случае первая формулировка критерия относится к теории обоснования из-за того, что дают нам способ для получения основания, что конкретное предложение истинно. Ситуация (1.2) хорошо согласуется со второй формулировкой. Если попытаться выдать из (2) дефиницию, которая определяла бы сущность истины, то получившаяся «Истина — это то, что обозначается истинными пропозициями» лучше согласуется с рассмотренными выше взглядами Г. Фреге.

Содержится ли в данной выше дефиниции круг? Истинные пропозиции — это множество знаков, а истина — предмет. Затруднение вызвано тем, что может показаться, будто у мыслителя имеется одновременно две истины: одна как предмет, а другая как одно из истинностных значений (логических свойств) высказывания. Но это у Г. Фреге одно и то же. Объясняется данный момент спецификой обозначения, которая носит именуемый характер. У последующих авторов, например, Б. Рассела, корреспонденция носит не именуемый характер.

Если говорить о проекте, то Г. Фреге пытается выявить не только критерий, согласно которому предложения могут быть истинны, но также затрагивает и другой проект, пытающийся ответить на вопрос: «Что значит сказать, что является истинным?». Он пишет: «Можно же сказать: «Мысль, что 5 есть простое число, истинна». Однако если посмотреть повнимательнее, мы заметим, что этим сказано совершенно то же, что и просто в предложении «5 есть простое число»» [40, с. 235]. Его ответ на данный вопрос носит дефляционистский характер.

На основе анализа философской концепции Г. Фреге, можно сделать следующий вывод: истина и ложь представляют предметы, которые являются значением утвердительно-повествовательных предложений. Предложения «Свинец тяжелее пуха» или «Фреге был немцем» являются именами собственными для истины примерно так же, как и словосочетания «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» являются именами собственными для Венеры. Говоря, что истина — это предмет, философ имеет в виду, что она не есть понятие или отношение. Критерий истины выражается следующим образом: пропозиция является истинной, если и только если она обозначает истину. Прослеживается действие в рамках двух проектов, на один из которых мыслитель дает корреспондентский ответ, а на другой — дефляционистский. В плане математики Г. Фреге был платоником, поэтому существование истины и лжи можно понимать буквально. Они существуют как онтологические сущности, а не являются лишь удобными инструментами. Существует множество предметов вроде: Венеры, Наполеона, чисел, и истина — один из них.

2.2 Критерии истинного знания в корреспондентной теории Б. Рассела

Бертран Рассел отрицает, что мир состоит лишь из индивидов (предметов). Вместе с индивидами, существуют также и факты. «...мир

содержит факты, которые суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать...фактом я называю то, что выражено целостным предложением, а не отдельным именем типа «Сократ» [33, с. 126]. Факты существуют ни чуть ни в меньшей степени, чем другие предметы. «Факты суть нечто такое, что вы выражаете посредством предложения, и они в такой же степени, как и отдельные стулья и столы, являются частью реального мира» [33, с. 127]. Истина у философа также выполняет свою роль в теории значения, однако, можно говорить о множестве разных способов обозначения: имя применяется как собственный символ для человека, а пропозиция для факта. Пропозицией является повествовательное предложение, предложение, которое нечто утверждает или предложение, выражающее желание.

В противовес Г. Фреге, Б. Рассел подчеркивает, что хоть пропозиция и обозначает факт, она обозначает его не путем именования. «... предложение (или пропозиция) является собственным символом для факта...для формальных целей удобно рассматривать пропозицию как нечто такое, что по сути обладает двойственностью истины и лжи. Очень важно, например, осознать то, что пропозиции не являются именами фактов» [33, с. 130]. Там же он пишет, что только совокупность истинной и ложной пропозиции к одному факту можно рассматривать как его имя, но не их по отдельности. Весьма интересна в этом отрывке часть про взгляд на истину. Истина, как и ложь, является свойством только символа (пропозиции), но не факта. Факт обладает довлеющей силой над пропозицией, и именно он определяет ее ложность или истинность. Учитывая, что двойственность истины и лжи относится только к пропозиции, можно сделать вывод, что истина и ложь представляют у Б. Рассела чисто логические объекты, а не онтологические. В самом мире не существует истины, она существует лишь в нашем языковом аппарате. Имеются, конечно, моменты, которые можно попытаться подвести под это. Например: «...хотя в другом смысле и истинно, что вы не в состоянии познать мир, если не познаете факты, создающие истины мира...» [33, с. 207]. Может сложиться впечатление, что здесь под «истинами мира» подразумевается некий контекст, выходящий за

рамки логики, однако, это не так. Автор иногда употребляет слово «истина» в обыденном смысле, но как понятие в его философии оно относится только к логическому истинностному значению пропозиций. В данном случае, «факты, создающие истины мира» следует понимать как «факты, которые имеют место».

У Б. Рассела интересно то, что он также иногда говорит о месте или роли истины в познании. Например, философия, по его мнению, имеет место с тем, что может быть истинным, а наука потом устанавливает, что является истинным [33, с. 216]. Другой важный момент, который он повторяет несколько раз, это то, что он разделяет логику и теорию познания. Он не сводит последнюю к первой, но сам занимается разработкой логики. Так, мыслитель говорит, что наше познание начинается с каких-то очевидных предпосылок, мы можем вывести логические предпосылки для системы, но они не будут предпосылками для теории познания. Последние, в свою очередь, не объективны и отличаются у различных людей [33, с. 124]. Анализируя такие предпосылки, философ использует не понятие «истина», а понятие «убежденность».

В более поздней своей работе Б. Рассел отмечает, что понятие «истины» шире, чем понятие «знание» [30]. В ней же он говорит о своем отношении к корреспондентской теории истины, которая, на его взгляд, имеет две формы: эпистемологическую (истина должна соответствовать опыту) или логическую (истина должна соответствовать фактам). Он отдает свое предпочтение логической корреспондентской теории т. к. (1) факт шире, чем опыт, (2) эта теория допускает существование истинных неverified суждений [30, с. 346]. Кроме того высказывается и его отношение к другим трём теориям, понимающим истину как: оправданную утверждаемость, как вероятность и как когерентность [30, с. 327]. Первая представлена в теории Дж. Дьюи, и с ней он не согласен в основном в том, что разделение высказываний на два подмножества, где роль истинных выполняют оправданно утверждаемые, должно происходить исходя из следствий этих высказываний, а не

обуславливаться эмпирическими причинами. Вторая теория представлена в лице Х. Рейхенбаха и в её трактовке «мы никогда не можем быть уверены в истинности некоторого данного суждения, выраженного словами» он разделяет, а в трактовке «понятие «истины» не является необходимым» — отвергает. К сторонникам когерентной теории он относит некоторых логических позитивистов — О. Нейрата и К. Г. Гемпеля, которые, по его утверждению, вернулись к традиции Б. Спинозы, Г. В. Лейбница и Г. В. Ф. Гегеля — точку зрения которых он не разделяет. Этот фрагмент очень важен, так как позволяет лучше понять — какой теории истины придерживается автор. Собственное признание является весьма надежным, хоть и не безупречным, свидетельством в пользу того, чтобы классифицировать Б. Рассела как корреспондентиста. Другим интересным следствием из этого замечания является то, что чистый эмпиризм, которого, как говорит Б. Рассел, практически никто не придерживается, возможно, напрямую относится не к теории истины, а к теории обоснования, что в целом имеет смысл не говорить об истинности синтетических пропозиций, а лишь об их обоснованности, достоверности.

Рассмотрим теперь критерий, который может быть сформулирован в данной теории. Высказывание является истинным, если и только если оно соотносится с фактом определенным образом. Каким же образом оно должно соотноситься? Дело в том, что как отмечалось выше, с каждым фактом соотносятся одновременно две пропозиции: одна из которых — ложная, а вторая — истинная. Поэтому важно именно соотношение между истинной пропозицией и фактом. Можно назвать это соотношение положительным, а соотношение ложного предложения с фактом — отрицательным.

Подводя итог, нужно сказать, что Б. Рассел уделяет рассмотрению истины много внимания. Истина не носит у него характер чего-то существующего в природе, а имеет разное значение в разных теориях познания. Истина, как он замечает, это свойство, прежде всего мнений (выражает состояние говорящего), а уже затем предложений (указывает на факт) [30, с. 265]. Свое предпочтение

он отдает истине, как одному из истинностных значений пропозиции. Если говорить о теории, то он придерживается логической версии корреспондентской теории истины. Критерий истины звучит так: Пропозиция является истинной тогда и только тогда, когда положительно соотносится с фактом. Многие вещи из наук, например, атомы, Б. Рассел называет логической фикцией, такой же, как и числа. Можно сказать, что истина тоже логическая фикция, но другого рода. Про истину нельзя сказать, что она существует или не существует, можно лишь сказать, что высказывание, если оно не бессмысленно — либо истинно, либо ложно.

2.3 Критерии истинного знания в раннем учении Л. Витгенштейна

Анализируя теорию истинного знания Людвига Витгенштейна, мы ограничимся его ранним периодом, представленным, в основном, в «Логико-философском трактате». Вслед за Б. Расселом он уделяет центральное место в онтологии фактам. Индивиды или отдельные предметы не входят в состав мира, мир состоит лишь из фактов (п. 1.1). В п. 2.0211 и 2.0212 мы видим, что он исходит из корреспондентской теории истины, так как если бы мир не имел субстанции, то понятие истины носило бы когерентный характер, и невозможно было бы построить истинную (в корреспондентском смысле) картину мира.

В целом, Л. Витгенштейн практически не использует понятие истины, в основном истинность или истинностное значение. Истина и ложь понимаются просто как значения предложения. Некую бессодержательность истины можно объяснить п. 6.111: «Теории, в которых предложение логики может казаться содержательным, всегда ложны. Можно, например, верить, что слова «истинно» и «ложно» обозначают два свойства среди других свойств, и тогда казалось бы удивительным фактом то, что всякое предложение обладает одним из этих свойств. Это казалось бы далеко не самоочевидным, столь же мало самоочевидным, как, например, предложение «все розы или желтые, или красные», даже если оно истинно. Да, каждое такое предложение получает

полностью характер естественнонаучного предложения, а это верный признак того, что оно было ложно понято» [4, с. 180]. Предложения можно условно поделить на логические и нелогические — истинность или ложность первых будет узнаваться лишь из символа самого по себе, истинность или ложность вторых не может быть показана из одних этих предложений. Для понятия истинности мыслитель сам приводит в п. 4.063 следующую иллюстрацию: «...черное пятно на белой бумаге; можно описать форму пятна, указывая для каждой точки поверхности, является ли она белой или черной. Факту, что точка черная, соответствует положительный факт, факту, что точка белая (не черная), — отрицательный факт. Если я укажу точку поверхности (по терминологии Фреге — истинностное значение), то это соответствует предположению, выдвигаемому на обсуждение, и т. д. Но для того, чтобы можно было сказать, является ли точка черной или белой, я должен прежде всего знать, когда можно назвать точку черной и когда белой; чтобы можно было сказать, что «р» истинно (или ложно), я должен определить, при каких обстоятельствах я называю «р» истинным, и тем самым я определяю смысл предложения» [4, с. 86].

Имея два указанных вида предложений, каждому из них будет соответствовать свой критерий. Начнем с логических предложений. Логическое предложение является истинным тогда и только тогда, когда соответствует логической форме тождественно-истинного высказывания. Таковы, например, законы логики или тавтологии. Но обычно теории познания больше интересуются эмпирическими высказываниями, которые и составляют знание о мире. Нелогическое предложение истинно, если и только если его смысл соответствует действительности. Что понимается под смыслом, раскрывается в нескольких пунктах: «2.221. То, что отображает картина, есть её смысл» и «4. Мысль есть суждение, наделённое смыслом». Термин «картина» может быть пояснен через п. 3 «Логической картиной фактов служит мысль». Соответствие проявляется не только в соответствии отдельных высказываний отдельным актам, но и в структурном (формальном) соответствии высказываний и

реальности. Язык не мог бы изображать реальность, если бы они оба не имели одинаковую структуру.

Другой, не очень удачный критерий может быть сформулирован, если исходить из п. 4. 11 «Совокупность истинных суждений есть наука в её полноте (свод естественных наук)». Неудачен он в силу того, что получающийся критерий «Суждение истинно тогда и только тогда, когда оно соответствует естественным наукам» является скорее критерием обоснования. К тому же сама подмена действительности на естественные науки не выглядит чем-то безупречным. Это наилучшее из того, что есть. Если совокупность всех истинных положений есть все естествознание, то б.44 «Мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть» можно понимать так: метафизические высказывания претендуют сказать: что есть мир, но такие высказывания не могут быть истинными или ложными, они то, что следует обойти молчанием.

Обобщим вышесказанное. С одной стороны, Л. Витгенштейн даёт нам обнадеживающий ответ о том, что образ (картина) мира по форме соответствует самой действительности, иначе бы не могла описывать её. С другой стороны, он крайне строго очерчивает границы того, о чём можно говорить. Философ приемлет истину для двух видов высказываний: для нелогических — она может быть установлена естествознанием; для логических — истина может быть установлена из самого символа. Критерий истины выглядит таким образом: нелогическое суждение истинно, если и только если его смысл соответствует действительности. Характер этого соответствия то, как мир есть, а не то, что он есть. Примечательными здесь будут заключительные строчки из предисловия «...ценность этой работы, состоит, во-вторых, в том, что она показывает, сколь мало дает решение этих проблем» [4, с. 34]. В какой-то степени, можно сказать, что сколь малыми являются границы того, о чем можно говорить, столь же малыми являются границы применимости истины, т. е. то, что относится не к сфере естествознания, а к сфере мистического — не имеет истинностного значения.

2.4 Преобразованная корреспондентная теория Дж. Остина

Проект Джона Остина можно наметить следующей фразой: «...следует обсуждать применение или определенные использования слова «истинный» [25, с. 174]. Философ предлагает сконцентрировать внимание на прагматике данного понятия. Сразу может быть отсеян реляционный подход к истине. Это видно из того, что конструкция «Предложение S истинно в английском языке» признаётся им грамматически ошибочной [25, с. 177]. Реляционное понимание истины как раз имеет подобную форму: S истинно согласно W. На месте переменной W могут стоять «люди, языки, наборы принципов, картины мира или ситуации, концептуальные схемы, формы жизни, режимы речи или мысли, парадигмы, точки зрения и т. д.» [2, с. 395]. Мыслитель критикует и дефляционистский ответ на следующих основаниях: во-первых, фраза «является истинным» может быть особой и функционировать не так, как обычные фразы, например, «является красным»; во-вторых, дефляционисты смешивают ложность и отрицание; в-третьих, кроме истины и лжи существуют и другие отношения между словами и миром (преувеличение, неясность, невыразительность, приблизительность, заблуждение и т. п.), которые почему-то никто не называет излишними. О когерентных и прагматистских теориях философ высказывает две особенности: их плюс в том, что они осознают, что в производстве утверждений есть различные степени и измерения успеха (в отличие от корреспондентистов), а их минус — то, что они не осознают, что истина все же связана с отношением между словами и миром» [25, с. 187]. Можно упрекнуть мыслителя в том, что отношения между словами и миром, отличные от истины и лжи, следует вынести за рамки теории истины, например, в теорию обоснования. Иначе, если мы остаёмся в рамках истины и говорим о множестве её градаций, то должны будем принять, что истина буквально имеет множество ступеней.

Дж. Остин симпатизирует корреспондентской теории, но с некоторыми уточнениями. Корреспондентская трактовка вполне удовлетворительна для многих обычных ситуаций, но не для всех. Помимо наличия других степеней соответствия между миром и словами, что замечалось выше, его не устраивает то, что многие утверждения, которые утверждениями не являются, продолжают осмысливаться как истинные или ложные. Утверждение «Кошка может быть на рогожке» вообще не представляет собой утверждение, оно не истинно и не ложно [25, с. 189]. Утверждения не являются утверждениями, когда они являются формулой в исчислении, когда являются перформативным высказыванием, когда это ценностное суждение, когда это дефиниция, когда это вымысел. Для них не ставится цель соответствовать действительности.

Разберем теперь критерий, который формулирует Дж. Остин. Для понимания этого критерия вводятся два вида конвенций: дескриптивные и демонстративные. Первые «...ставят слова (= предложения) в соответствие с типами ситуаций, вещей, событий и т. д., которые могут быть обнаружены в мире». Вторые же, «...ставят в соответствие слова (= предложения) с историческими ситуациями и т. д., которые могут быть обнаружены в мире» [25, с. 178]. Многие ошибки в философии, по утверждению философа, происходят из-за того, что дескриптивное принимается за демонстративное и наоборот. Сам критерий выглядит так: «...об утверждении говорится, что оно является истинным, когда историческое положение дел, соответствующее ему с помощью демонстративных конвенций (на которое оно «указывает»), относится к тому типу, которому с помощью дескриптивных конвенций соответствует предложение, использованное для производства утверждения» [25, с. 178]. Формулировка данного критерия весьма сложна и для её прояснения должна быть приведена в соответствующей данной работе вид, а также проиллюстрирована примером.

Согласно форме формулировки критерия в предыдущих параграфах будет выглядеть так: утверждение истинно тогда и только тогда, когда историческое положение дел, на которое указывает утверждение, относится к тому типу

(ситуаций), на который указывает предложение, использованное для производства утверждения. Связь между этими четырьмя элементами может быть изображена согласно рисунку 1.

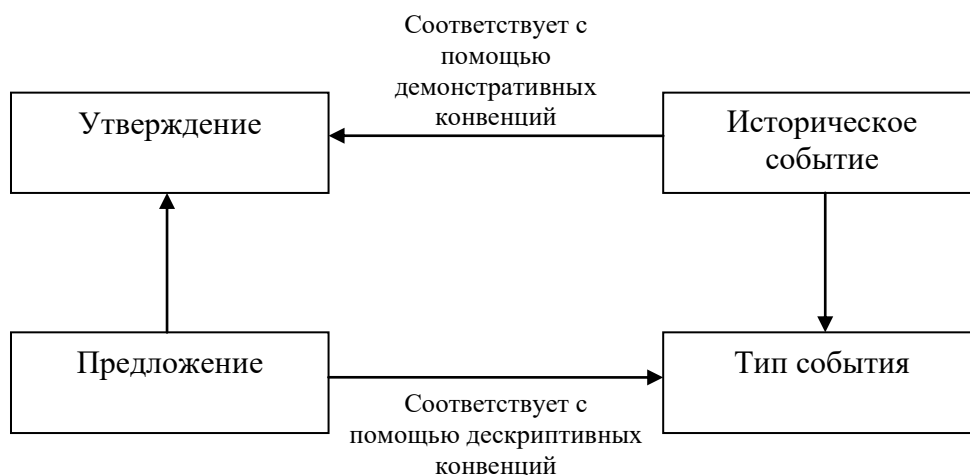

Рисунок 1.

Два элемента, находящиеся слева, могут быть отнесены к языку, а два справа — к миру. Предложения, например, «Кот — чёрный» и «Cat is black» соответствуют одному утверждению. Таким образом, два горизонтальных отношения и левое вертикальное, уже как бы заданы, и нас интересует правое вертикальное отношение — именно оно определяет истинность утверждения. Как уже говорилось, ошибки возможны и в других и по причине путаницы в горизонтальных отношениях. Но истинность утверждения определяется именно тем, относится ли историческое событие к типу событий. Относительно этого отношения Дж. Остин даёт следующее пояснение: «Относится к тому типу, с которым» означает «являться в достаточной степени подобным тем стандартным положениям дел, с которыми». Таким образом, чтобы утверждение было истинным, одно положение дел должно быть подобным некоторым другим положениям дел, и это представляет собой естественное отношение. И притом также в достаточной степени быть подобным, чтобы заслуживать той же самой «дескрипции», которая уже чисто естественным отношением больше не является» [25, с 179].

Итак, Дж. Остин действует в рамках прагматического проекта употребления слова «истина (истинный, истинно)». Он выражает своё отношение к различным теориям истины: сильно критикует дефляционизм, отвергает релятивизм, подмечает достоинства и недостатки когерентной, корреспондентной и прагматистской теорий. Философ отдаёт предпочтение корреспондентской теории, но с существенными доработками. Критерий истинных утверждений следующий: утверждение истинно, если и только если демонстративно соответствующее утверждению историческое событие относится к тому типу ситуаций, которому дескриптивно соответствует предложение, использованное для утверждения. Также, Дж. Остин понимает истину либо как буквально имеющую степени, либо частично смешивает теорию истины с теорией обоснования.

Подведём итоги главы.

Критерии истины неоднородны в различных версиях корреспондентной теории. Можно разделить четыре разобранные теории по двум основаниям: по пониманию корреспонденции и по типу языка, о котором пишут философы. По первому основанию: а) Г. Фреге понимает корреспонденцию как отношение наименования между истинным суждением и истиной; б) Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн понимают корреспонденцию как соответствие фактам; в) Дж. Остин понимает корреспонденцию как подпадание исторического события под тип события с наличием демонстративных и дескриптивных соответствий между одними языковыми и объектными единицами, а не другими. По второму основанию: а) Г. Фреге, Б. Рассел и ранний Л. Витгенштейн работают в рамках модели идеального языка; Дж. Остин работает в рамках естественного языка.

3 Не-корреспондентные теории истины и их критерии в аналитической философии

3.1 Семантическая концепция истины А. Тарского

В параграфе анализируется теория истины А. Тарского и представлены идеи, которые он использовал для формирования и реализации своей теории. Помимо этого, показаны актуальность теории и её влияние на современное знание.

Задача, которую преследует А. Тарский, состоит в том, чтобы дать истине материально адекватное и формально корректное определение. Оно будет материально адекватным, если из него следуют все эквивалентности вида (Т): X истинно тогда и только тогда, когда p . На место p ставится какое-либо конкретное предложение, а на место X – имя этого предложения. Для формальной корректности язык должен быть точно заданным и не быть семантически замкнутым, т. е. не содержать, помимо своих предложений, имен своих предложений и семантических терминов. Для того чтобы избежать противоречивости, примером которой может служить парадокс лжеца, необходимо избавиться от семантической замкнутости языка. Это возможно сделать путем использования двух разных языков. «Первый из них есть язык, который «о чем-то говорит» и который является предметом всего нашего обсуждения, ибо искомое определение истины как раз и применяется к предложениям этого языка. Второй язык — тот, в котором мы «говорим о» первом языке и в терминах которого мы хотим, в частности, построить определение истины для первого языка. Первый язык мы будем называть «объектным языком», а второй — «метаязыком»» [37].

Определив задачу и методы её решения, остается только определить истину. Он делает это через другое семантическое понятие – понятие выполнимости. Выполнимостью назовем отношение между какими-либо объектами и пропозициональными функциями. Последние отличаются от

предложений тем, что могут включать свободные переменные по типу «х зелёный», а не «трава зелёная». Теперь приведём определение, которое он даёт: «Отсюда мы легко получаем определение истинности и ложности: предложение истинно, если оно выполняется всеми объектами, и ложно в противном случае» [37].

Существует некоторая трудность с классификацией данной теории. «Сам Тарский иногда высказывал предположение, что его теория в какой-то степени была корреспондентской теорией» [8]. Это связано, вероятно, с тем, что изначально он основывается на концепции истины Аристотеля и пытается сформулировать интуицию, выраженную в ней, точнее. Поэтому вопрос о том, считать ли семантическую теорию истины разновидностью корреспондентной или же чем-то кардинально другим — остаётся открытым.

Другим важным аспектом данной концепции являются границы её применимости. Как мы видели, к языку предъявляются весьма жесткие требования. По вопросу повседневного, естественного языка он высказывается весьма осторожно. С одной стороны, проблема истины крайне неточна для естественных языков: не ясен смысл этой проблемы, а также критерии удачного или неудачного ответа. С другой стороны, решение ясной проблемы (дать истине материально адекватное и формально корректное определение) для естественного языка — в какой-то мере возможно. Если создать некую копию обыденного языка (или его части), структура которого будет точно задана, то проблема будет решаемая настолько, насколько малыми будут различия между этими языками. Мы не сможем правомерно перенести определение истины из копии в обычный язык, но сможем пользоваться копией языка с этим определением, которое имеет минимальные отличия от оригинала. Эта идея носит характер предположения, причём весьма оптимистичного, так как у нас нет оснований считать, что эта копия отличалась бы несущественно.

Рассмотрим теперь проект теории истины, которому следует А. Тарский. Если семантическая концепция истины не является подвидом корреспондентной теории (за это говорит то, что аппаратом его теории

пользуется ряд дефляционных теорий, а также то, что им могут использоваться как реалистские, так и антиреалистские теории [8]), то вопрос, на который она пытается дать ответ — иной. Сформулируем его так: «Что есть истина (семантически)?» или «Какова семантическая природа истины?» По его словам, вопрос о «правильной» теории истины крайне туманен и он не знает, является ли его теория таковой. Ответить на него будет возможно, когда точно будет сформулирован критерий правильности теории. Неклассические концепции (прагматическая и когерентная), по его мнению, еще не были представлены в ясной и недвусмысленной форме, а потому не известно — концепциями одного ли и того же они являются вместе с семантической (да и друг с другом). Этот тезис весьма сходен с нашим тезисом о том, что существуют разные проекты теории истины. Некое прояснение он даёт и касательно связи его теории и дефляционизма: во-первых, элиминация слова «истина» возможна не во всех случаях, а только в предложениях определённой формы; во-вторых, «Если же, однако, кто-нибудь продолжает настаивать на том, что благодаря теоретической возможности устранения слова «истинно» на основе его определения понятия истины является бесплодным, т. е. он должен признать и дальнейший вывод о том, что все определяемые понятия бесплодны» [37]. Необходимо отметить тот факт, что теория истины этого философа согласуется со многими другими теориями истины и различными метафизическими воззрениями, а также не ясна хоть одна чётко выраженная альтернатива в рамках данного проекта. Всё это может служить знаком того, что семантическая концепция истины пока единственная в своём проекте теория.

Таким образом, критерий истинности выглядит так: предложение (пропозициональная функция без свободных переменных) истинно тогда и только тогда, когда оно выполняется всеми объектами. Этот критерий-определение носит строгий формальный характер, и, в связи с этим, накладываются такие обязательные требования: во-первых, для избегания парадоксов необходимо разделение языка на объектный язык и метаязык; во-вторых, определение истины может быть дано в метаязыке, но не в объектном;

в-третьих, такой язык должен иметь строго заданную структуру. Исходя из эквивалентности вида Т, можно сформулировать и другие критерии истины: например, ««Снег белый» истинно тогда и только тогда, когда Снег белый» является частным определением (критерием) истины, разъясняющим истинность конкретно этого предложения. Общее определение (критерий) истины есть конъюнкция всех таких частных определений — оно явно проигрывает изначальному термину в краткости и едва ли может быть сформулировано полностью. Также, теория А. Тарского имеет свой уникальный проект и не является как прямой альтернативой когерентной теории, так и однозначно не может быть отнесена к корреспондентной теории.

3.2 Когерентная теория истины в аналитической философии

В параграфе проанализирована когерентная теория и её критерии истинного знания, охарактеризованы её проблемные моменты.

Проанализируем критерий истинности в рамках когерентной теории истины.

Рассмотрение данной теории имеет некоторые трудности: во-первых, когерентная теория зачастую оказывается теорией обоснования, а не теорией истины; во-вторых, проблематично привести достаточно современного автора, который бы придерживался чисто когерентной теории истины и не использовал бы когерентность как один из критериев. В связи с этим приходится в какой-то мере реконструировать тезис этой теории, которая бы отдавала себе отчет, что она отвечает не на вопрос обоснования и которая бы считала когерентность главным, решающим критерием.

Исторически когерентизм берет начало от рационалистических авторов идеалистов — Б. Спинозы, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, затем находит отражение в британском идеализме, например, в лице Ф. Г. Брэдли. Некоторые моменты можно найти у таких неопозитивистов как О. Нейрат и К. Г. Гемпель,

и у таких философов языка как Д. Дэвидсон и П. Стросон. Также, обычно приводятся Н. Решер и Б. Бланшар как яркие представители теории когеренции.

Приведём две формулировки этой теории. Дж. Янг пишет: «Согласно когерентной теории истины, истинность всякой (истинной) пропозиции состоит в её согласованности (coherence) с некоторым заданным множеством других пропозиций» [44]. Похожую трактовку даёт и М. В. Лебедев: «Согласно этой теории, мера истинности высказывания определяется его ролью и местом в некоторой концептуальной системе; сказать, что то, что сказано (носитель истины, например утверждение или пропозиция) истинно или ложно значит сказать, что оно когерентно или не когерентно системе других утверждений или пропозиций, т. е. является или не является частью этой системы» [2, с. 401]. Для того чтобы избежать релятивизма уточняется, что пропозиция должна быть когерентна не просто другим пропозициям, но заданному привилегированному множеству. В том случае, когда мы говорим, что истинность заключается в когерентности, свойство истинности является чертой целого (множества высказываний) и отдельные высказывания никогда в полной мере не истинны, а истинна лишь система в целом.

Сформулируем критерий в нормальной для данной работы форме: Пропозиция истинна тогда и только тогда, когда она когерентна множеству заданных пропозиций. Здесь возникает сразу два вопроса: во-первых, какова природа когеренции; во-вторых, какие пропозиции составляют заданное множество.

Начнём с первого вопроса. Существует соблазн отождествить когерентность с логической непротиворечивостью. Но возможно представить ситуацию, когда две пропозиции противоречат друг другу и обе не противоречат заданному множеству. В этом случае они обе должны были бы считаться истинными, что абсурдно. Другими вариантами трактовки когерентности является наличие вероятностных связей, наличие логического следования, взаимная объяснительная поддержка или просто признание этого понятия простым и не поддающимся анализу. Последний вариант обычно сразу

отбрасывается. Третий не представляется достаточно ясным и точным. Остаются первые два, из которых второй выглядит привлекательнее, так как позволяет избежать ступенчатости истины. Согласно второй трактовке, пропозиция когерентна в том случае, если и только если она следует из пропозиций заданного множества. Это может быть либо дедукция, либо иное следование, которое потребует разъяснений.

Второй вопрос несёт не меньшие трудности. Заданное множество должно состоять из некоторого числа истинных высказываний. Это может быть: наибольшее непротиворечивое множество утверждений, множество верований (полаганий) людей или множество верований всезнающего существа. Первая и вторая точки зрения влекут за собой отказ от двузначности истины и отказ от того, что существуют непознаваемые истины. Принятие последней связано со специфическим обязательством — принятием специфической сущности, но при этом мы не отказываемся от двух вышеперечисленных пунктов. Хотя остаётся неясным механизм соотношения доступных нам полаганий и полаганий всезнающего существа.

Создаётся впечатление, что понятие истины множится — истинность утверждений, входящих в заданное множество, и не входящих, определяются по разным критериям. Можно было бы сказать, что истинность утверждений заданного множества определяется соотношением с фактами, а других — когерентностью с этими утверждениями, но тогда когерентная концепция становится лишь разновидностью корреспондентной теории.

Учитывая то, что истинность пропозиций, согласно когерентной теории, зависит лишь от связи с другими пропозициями и никак не зависит от мира, можно заключить, что когерентизм предполагает принятие идеализма. М. Гланзберг утверждает, что согласно Р. Уолкеру «любой сторонник теории когерентности должен быть идеалистом, но не наоборот» [8]. В качестве примера М. Гланзберг приводит Брэдли, который, по классификации Т. Болдуина — идеалист, но приверженец не теории когерентности, а теории истины как тождества. На данный пример можно возразить тем, что «...проведение

различия между версиями когерентной теории, которые принимали идеалисты, и теорией истины как тождества может представлять некоторое затруднение» [44]. Действительно, выглядит излишним постулировать существование независимой от сознания реальности, если она никак не влияет на истинность предложений. Однако, это возможно, а значит — принятие идеализма носит не необходимый характер. Но, как правило, сторонник когерентной теории принимает некоторую форму идеализма. Возможно это «издержки» того, что когерентная теория является прямой альтернативой теории корреспонденции, которая, как правило, носит реалистический характер.

Подведём итог.

Согласно когерентной теории, критерий истины таков: высказывание истинно тогда и только тогда, когда когерентно заданному множеству высказываний. Отношение когерентности мы можем понимать как наличие следования, т. е. возможности вывести высказывание из высказываний заданного множества. Заданным множеством является множество убеждений людей (в идеале разделяемые человечеством, которое находится на пределе своего познания, убеждения). Когерентная теория отвечает на ту же программу, что и корреспондентная теория и является её основным конкурентом. Принятие когерентной теории подразумевает принятие определенной метафизики — некоторой формы идеализма.

3.3 Тарскианско-реляционная теория Д. Дэвидсона

В данном параграфе будет проанализирована теория значения Д. Дэвидсона и её взаимосвязь с критериями истины; влияние на её становление концепции А. Тарского.

Рассмотрение теории Д. Дэвидсона сопряжено с той трудностью, что проект, которому он следует, крайне широк. Р. Киркэм пишет о нём так: «...Тарский был уверен, что истина может быть установлена только для определенных искусственных языков. Дональд Дэвидсон утверждал, однако, не

только возможность применения техники Тарского для естественного языка, но, более того, что это может принести немислимую выгоду: *теория истины для естественного языка будет теорией значения для этого языка*» [15, с. 332]. Проект истины ставится в некую зависимость или даже отождествляется с теорией значения. Следует обратить внимание и на два других аспекта: во-первых, Д. Дэвидсон пытается разработать свою теорию, используя аппарат А. Тарского; во-вторых, он, главным образом, концентрируется на естественном языке.

На глобальность его проекта указывает проблемность однозначной классификации его теории. В нём можно найти черты, как когерентной теории, так и корреспондентной; как некоторые черты прагматизма, так релятивность в сочетании с использованием Т-схемы А. Тарского. В отношении того, как может корреспондентность соотноситься с когерентностью Дж. Янг пишет, что [некоторые философы] «...полагают, как Дэвидсон, что когерентность пропозиции множеству верований — хороший показатель того, что пропозиция соответствует объективному факту и что мы можем знать об этом» [44]. Эта точка зрения представлена в его статье «Когерентная теория истины и познания» [14]. Возможно, эта сочетаемость объясняется тем, что речь здесь идет о когерентной теории обоснования и корреспондентной теории истины. Предположим, что обе теории имеются в виду как теории истины. Тогда имеется сразу два необходимых критерия истинности. Если (1) множество предложений когерентны и (2) находятся в отношении корреспондентности с действительностью, то (3) сама действительность должна иметь в себе подобную когерентность. Такая точка зрения перекликается с замечаниями Л. Витгенштейна в «Логико-философском трактате» (там не отстаивается когерентность, но говорится, что предложения могут описывать факты в том случае, если они имеют похожую структуру), и позже её раскритиковал Дж. Остин: «Для того чтобы быть истинным утверждению не более требуется воспроизводить, скажем, «разнообразие», «структуру» или «форму» реальности, чем слову требуется быть звуковой или графической

пиктограммой. Полагать обратное, значит снова впадать в ошибку привнесения в мир свойств языка» [25, с. 182]. Рассматривая, в данном случае, когерентную теорию как теорию обоснования, а не истины, мы не обязываем себя принимать спорное метафизическое допущение (3). Со временем взаимоотношение этих теорий менялось. Так, М.В. Лебедев указывает, что «Примерно такой путь — от корреспондентности к когерентности — проделал и Дэвидсон в 1960-80-е годы — что соответствует и пути Витгенштейна от «Трактата» к «Исследованиям»...» [2, с. 408].

Про отнесение его к прагматической теории приведём слова М. Гланзберга: «Взгляды Дэвидсона на истину также связывали с прагматизмом, особенно у Рорти. Дэвидсон дистанцировался от этой интерпретации, но все же подчеркивает связи между истиной, убеждением и значением. В той степени, в какой все они являются человеческими установками или относятся к человеческим действиям, Дэвидсон признает, что между его взглядами и взглядами некоторых прагматиков (особенно, по его словам, Дьюи) есть некоторое сходство» [8].

Теперь следует прояснить, как Д. Дэвидсону удаётся совместить релятивность с моделью А. Тарского, и для этого обратимся к самой теории. Он начинает с прояснения цели работы: «В своей статье я предполагаю, что носители языка могут успешно определить значение или значения произвольного выражения на естественном языке (если у этого выражения есть значение) и что главная задача теории значения состоит в том, чтобы показать, каким образом это делается. Я утверждаю, что задание истинностного предиката описывает требуемый тип структуры и дает четкий и проверяемый критерий адекватной семантической теории естественного языка» [13, с. 69]. Таким образом, мы получим критерий истинности, если сумеем сформулировать механизм значения.

Д. Дэвидсон критикует взгляд на истину как на свойство предложений. Предложение «Я Сократ» будет истинным в том случае, когда сказано Сократом, ложно, когда сказано кем-либо иным, и будет ни тем, ни другим,

когда сказано человеком, не знающим русского (в данном случае) языка. Этот пример показывает важность времени произнесения и о произнесшем. «Истина (в данном естественном языке) не является свойством предложений, она является отношением между предложениями, носителями языка и временем» [13, с. 80]. Далее, мыслитель уточняет структуру (релятивизирует, вводя дополнительные условия) Т-схемы Тарского: «Если я прав, теории истины должны характеризовать или определять трехместный предикат «Т s, u, t ». Для теории не имеет значения, читаем ли мы этот предикат как «предложение s истинно (как предложение английского языка) для носителя языка u во время t » или «высказывание, выраженное предложением s (как высказывание английского языка) для носителя языка u во время t — истинно»» [13, с.81]. Разница в формулировках касается вопроса о том, что считать носителем истины — отношение или предложение, его выражающее — и, в данном случае, эта разница не важна. Помимо самого предложения, важны два релятивных фактора — носитель языка u и время t . Данные два определения плохо проясняют критерии, поэтому обратимся к примеру, который даёт философ: ««Книга была украдена», истинно, будучи (потенциально) произнесено лицом p во время t тогда и только тогда, когда книга, на которую указывает p во время t , была украдена раньше t » [13, с. 68]. Сформулируем критерий согласно данному выше отношению: предложением s произнесенное носителем языка u в момент времени t — истинно (как предложение какого-либо естественного языка) тогда и только тогда, когда значение s , на которое указывает u в момент времени t , случается в момент времени t . Если высказывание выражено в будущем времени, то значение s должно случиться позже t , если в прошедшем времени, то значение s должно случиться раньше t . Данная формулировка, все же, не до конца схватывает суть и выглядит излишне громоздкой. Условную правую часть, где говорится, что «значение s случается» следует понимать как в примере с книгой или как что-то на подобии выполнимости в модели А. Тарского.

Введение дополнительных условий — времени и носителя языка — то, что позволяет, по мнению Д. Дэвидсона, перекинуть мост между теорией истины и теорией интерпретации. Он пишет: «Один важный, да по сути дела, важнейший фактор, превращающий теорию истины в заслуживающую доверия теорию интерпретации, — это релятивизация по отношению ко времени и носителю языка» [13, с. 120]. Теория интерпретации позволяет объяснить, каким образом мы понимаем других говорящих, не имея доступа к их словарю. Возникает вопрос — какова эта интерпретация? По аналогии с радикальным переводом У. Куайна это должна быть радикальная интерпретация. В полной мере её содержание описывает М. Гланзберг: «...Дэвидсон предлагает процесс радикальной интерпретации, при котором интерпретатор строит тарскианскую теорию, чтобы интерпретировать говорящего как придерживающегося последовательных, согласующихся и в основном истинных убеждений» [8].

Таким образом, пытаясь разработать теорию значения для естественного языка Д. Дэвидсон, используя теорию истины А. Тарского, существенно модифицирует последнюю, вводя релятивные факторы — время и носителя языка. Философ предлагает рассматривать истину не как свойство предложений, а как отношение между предложением, носителем языка и временем — $T(s, u, t)$. Критерий истины выглядит так: предложение s , произнесенное носителем языка u в момент времени t — истинно, если и только если значение s , сказанное u в момент времени t случается в момент времени t . Данная схема может иметь вариации, например, по времени глагола в предложении s . После этого Д. Дэвидсон обнаруживает, что данная теория теперь может ответить и на вопрос интерпретации. В естественном языке люди понимают друг друга, проводя радикальную интерпретацию чужих слов. Её суть заключается в том, что интерпретатор строит тарскианскую модель, интерпретируя собеседника как придерживающегося когерентных, последовательных и, по большей мере, истинных убеждений.

3.4 Верификационизм М. Даммита

Разрабатывая свою теорию истины, М. Даммит вводит много интересных положений. Он сравнивает истину с выигрышем в игре; отрицает то, что смысл истины проясняется, когда формулируются её критерии; пытается совместить теорию истины с доктриной позднего Л. Витгенштейна (значение должно объясняться в понятиях употребления); и, наконец, предлагает заменить понятие истины и лжи на более удачные аналоги.

М. Даммит начинает со своего несогласия с проектом Г. Фреге. Проводя аналогию между высказыванием истины и выигрышем в игре, он подмечает один важный момент — игра, помимо критериев выигрыша и проигрыша (которые разнятся от игры к игре) содержит нечто общее для всех игр — выигрыш является целью. Подобная цель, по его мнению, существует и в вопросе истины. М. Даммит пишет: «...частью понятия истины является то, что мы стремимся делать истинные утверждения, но теория истины и лжи как референций предложений, предложенная Фреге, оставляет эту характеристику понятия истины практически без внимания» [10, с. 193].

Форма некоторых высказываний проблемно, на его взгляд, анализируется в терминах истины и лжи. Примерами таких высказываний являются условные и сингулярные. Что же философ предлагает на замену понятиям истины и лжи применительно к высказываниям такой формы? Апеллируя к интуиционистскому направлению в математике, мыслитель считает, что удобным является использование понятий «выделенного» и «невыделенного» значения. В зависимости от типа суждения к той или иной группе могут относиться значения, которые: истинны; ложны; ни истинны, ни ложны. Сингулярное высказывание будет иметь выделенное значение в том случае, когда сингулярное понятие имеет референцию и к ней применим предикат, а невыделенное в двух случаях — когда сингулярное понятие имеет референцию, но к ней не применим предикат, либо когда сингулярное понятие не имеет референции. Условное же высказывание имеет выделенное значение в трех

случаях: когда антецедент истинен и консеквент истинен; в обоих случаях, когда антецедент ложен, и невыделенное только в случае, когда антецедент истинен и консеквент ложен. Хотя для большинства обычных контекстов, как он утверждает, слова «истинно» и «ложно» достаточны [10, с 212].

Другим важным моментом является ограничение М. Даммитом области предложений, которые имеют истинностное значение. Приведем слова его ограничения: «Мы имеем право сказать, что утверждение P может быть или истинным, или ложным, что должно существовать нечто, в силу чего оно будет или истинным, или ложным, только тогда, когда P является утверждением такого рода, что мы можем в конечное время поместить самих себя в положение, в котором будет обосновано утверждать или отрицать P , т. е. когда P является действительно разрешимым утверждением» [10, с. 209]. Утверждения имплицитно или эксплицитно содержащие бесконечные обобщения не поддаются проверке и поэтому нельзя говорить об их истинности или ложности.

Следует иметь в виду, что главной проблемой, над которой работает М. Даммит, является теория значения, как и в случае с Д. Дэвидсоном. Он занимает противоположную позицию, согласно которой, значение предложения не может быть объяснено через условия его истинности. Для М. Даммита важна проверяемость и доказуемость. Значение в его теории дано в терминах условий верификации утверждения [11, с. 185]. Как следствие, истинность у него мы можем рассматривать в двух контекстах — как верифицированность, обоснованность, доказанность, либо как цель, которую ставит перед собой всякий говорящий. Очевидно, что это два разных проекта. Из второго понимания мы можем получить весьма специфический, но оригинальный критерий — утверждение истинно тогда и только тогда, когда утверждающий его правильно использует язык и не пытается обмануть. Такой ответ не удовлетворителен для научных теорий, но неплохо описывает употребление истинных предложений в естественном языке и ужасно описывает механизм

значения, т. к. «правильно использует язык» и ничего не говорит о способе означивания.

Некоторые исследователи, например, Р. Киркэм вообще отрицают то, что М. Даммит даёт какую-то теорию истины: «...Даммит не принадлежит к списку теоретиков истины...Он предлагает теорию лингвистической компетенции, а не теорию истины» [15, с. 391]. Другой исследователь — М. Гланзберг, рассуждая о метафизической позиции М. Даммита, говорит следующее: «Антиреализм в духе Даммета не является наследником когерентной теории истины как таковой. Но в некотором смысле, как отмечает сам Даммет, его можно считать потомком — возможно, очень дальним — идеализма. Если идеализм является наиболее радикальной формой отказа от независимости разума и мира, то антиреализм Даммета — это его более скромная форма, в которой, скорее, предполагается, что эпистемология «впечатана» в мир, нежели чем что мир полностью встроен в сознание» [8]. Там же исследователь отмечает, что по утверждению многих комментаторов, антиреализм М. Даммита близок к прагматизму.

Подводя итоги, отметим: во-первых, М. Даммит работает над теориями значения и языковой компетенции; во-вторых, истина не играет центральной роли в его теории значения — её играет верифицируемость; в-третьих, истина все же важна для него в контексте того, к чему стремится говорящий. Философ работает в других проектах и его критерий истинности, будучи выведенным, сильно отличается от критериев из предыдущих параграфов. Высказывание истинно, если и только если говорящий не совершает ошибок при использовании языка и не имеет цели обмануть других. Истина в речевом акте подобна выигрышу в игре — в обоих случаях участники стремятся именно к этому. В некоторых контекстах понятия «истина» и «ложь» могут быть заменены на «выделенное» и «невыделенное» значение. В большинстве же обычных контекстов, по мнению М. Даммита, этих слов достаточно.

3.5 Дефляционная теория истины в аналитической философии

3.5.1 Дефляционная теория истины А. Айера

В параграфе представлен анализ теории истинного знания и его критериев А. Айера, выявлен момент, подтверждающий то, что философ не последователен в формировании и реализации истинного знания, устанавливаются причины этого.

Альфред Айер разделяет различие высказываний на аналитические и синтетические. Поскольку тавтологии не содержат никакой информации о реальности, то они малоинтересны для познания, хотя и могут быть «проводниками в нашем эмпирическом поиске знания». Поэтому понятие истины анализируется им в сфере опытного знания.

Аналізу подвергается сам вопрос об истине. А. Айер пишет: «...все вопросы формы ‘Какова природа x ?’ являются требованиями определения символа в употреблении, и что требовать определение символа x в употреблении — значит, спрашивать: каким образом предложения, в которых встречается x должны переводиться в эквивалентные предложения, не содержащие x или какие-либо его синонимы...спрашивать ‘Что есть истина?’ — значит требовать такой перевод для предложения ‘(пропозиция) p — истинна’» [1, с. 125]. Таким предложением оказывается просто p . Говоря «‘Николай II был убит’ — истинно» мы говорим только то, что «Николай II был убит». Утверждаемость пропозиции совпадает с тем случаем, когда говорится, что она истинна. Случай, когда говорится, что она ложна, совпадает с утверждением её противоречия (отрицания). Термины «истина» и «ложь», таким образом, выполняют роль знаков отрицания или утверждения в предложениях, поэтому, бессмысленно требовать анализа этих понятий.

Исходя из этого, критерий бы выглядел так: истинна та и только та пропозиция, которая утверждается. Утверждаемость тут следует понимать не как любую утверждаемость — нечто произвольное по своей природе, а как

такую утверждаемость, которая имеет место, когда мы сами убеждены в пропозиции и не пытаемся ввести кого-либо в заблуждение. Возьмем ложное утверждение «Солнце есть планета» и человека, который не знает о его ложности и считает его истинным. Говоря, что утверждение «Солнце есть планета» является истинным, он скажет то же самое, что и «Солнце есть планета». В данном случае несоответствие фактической ложности высказывания и его утверждаемость объясняется тем, что такой человек делает ошибочное утверждение. То, что кто-либо утверждает какое-нибудь высказывание, не является надежным источником его истинности. Для этого мы прибегаем к другим способам его проверки, например — к опыту. Можно заметить, что приписывая истинность высказыванию, мы выражаем свое согласие с ним и информируем об этом собеседника. Предположим: (1) человек Н утверждает «р — истинно»; (2) человек Н утверждает «р». В обоих случаях для собеседника будет ясно, что «Н убежден, что р». Ситуация лжи является специфическим примером. В повседневной коммуникации мы действуем, в большинстве случаев, согласно принципу доверия, а в специализированной — например науке — тем более. Часто ли мы считаем, что учебник по химии утверждает обратное тому, в чём его авторы убеждены? Вероятно, что нет. Коммуникация бы сильно усложнилась, если бы вообще осталась возможной, в случае, если бы в большинстве случаев люди бы утверждали не то, в чём они убеждены.

Но у Дж. Айера можно найти основания в сторону иного понимания критерия. «Независимо от того, какой вопрос обсуждается, по мнению авторов, на самом деле по большей части обсуждается вопрос ‘Что делает пропозицию истинной или ложной?’ А этот вопрос является неточным способом выражения вопроса ‘В отношении любой пропозиции р, каковы условия, при которых р (является истинной), и каковы условия, при которых не-р?’ Другими словами, — это способ спросить о том, как обосновываются пропозиции» [1, с. 129]. Необходимо сделать сразу несколько замечаний. Во-первых, философ сводит задачу теории истины к поиску критериев (условий) истинности. Во-вторых, он

говорит об обосновании пропозиции. Анализируя критерий, он дает весьма ясные разъяснения, что критерий, посредством которого мы проверяем обоснованность эмпирической пропозиции — выполнение ей (пропозицией выражающей гипотезу) функции предвосхищения опыта. Можно говорить о различной вероятности такой пропозиции. Но вероятность понимается не как её внутреннее свойство, а как наша уверенность в ней и готовность на неё положиться. Перефразируем критерий под форму, которая использовалась в других главах: эмпирическая пропозиция истинна (высоковероятна, обоснованна) тогда и только тогда, когда выполняет прогнозирующую опыт функцию. Относительно второго замечания, можно возразить, что Дж. Айер подменяет теорию истины теорией обоснования и это будет отчасти верно. Это потому, что мыслитель эти теории отождествляет: «...цель ‘теории истины’ — просто описать критерий, посредством которого определяется обоснованность разного рода пропозиций» [1, с. 125]. По крайней мере, это верно для эмпирических высказываний. Для аналитических высказываний критерий иной — аналитическая пропозиция истинна, если и только если она тавтологична, а ложна, если и только если она самопротиворечива.

Говоря о проекте или проектах, которым Дж. Айер следует, его можно весьма резонно упрекнуть в некотором смещении. Если вопрос: «Каков критерий, что нечто истинно?» он подменяет вопросом «Каков критерий того, что нечто обоснованно?», то это легитимируется отождествлением теории истины (эмпирической) с теорией обоснования. Но изначальный вопрос «Что есть истина?» и вопрошание её критерия тоже подменяется. Говоря о тождестве утверждаемости p и пропозиции « p — истинно» он отвечает на вопрос «Что значит сказать, что нечто истинно?» или «Что значит сказать, что нечто соответствует критерию истинности?» Это, в свою очередь, является другим проектом.

На основе вышеизложенного, необходимо сказать о том, что Дж. Айер действует в рамках сразу нескольких проектов. На проект «Что значит, что нечто истинно?» мыслитель отвечает элиминативно — « p истинно» значит то

же самое, что это р просто утверждать. На другой проект «Что есть истина?» мыслитель отвечает, отождествляя теорию истины с теорией обоснования, так: эмпирическая пропозиция истинна тогда и только тогда, когда позволяет делать эмпирические прогнозы. Таким образом, истина существует: во-первых, как тавтологичность и непротиворечивость в аналитических пропозициях; во-вторых, как обоснованность, позволяющая делать предсказания в эмпирических пропозициях. В концепции Дж. Айера истина не существует как абсолютная достоверность эмпирических высказываний.

3.5.2 Разновидности дефляционизма и близкие ему теории

Рассмотренную в предыдущем параграфе концепцию условно назовем примером классического дефляционизма. Но существуют и другие его разновидности, которые здесь и будут рассмотрены.

Д. Стольяр выделяет две теории, родственные дефляционизму: экспрессивизм и просентенциализм, а также шесть разновидностей дефляционизма, которые различаются по двум основаниям: а) вид эквивалентности (аналитическая, материальная, необходимая); б) что подставляется в схему эквивалентности (пропозиции или предложения) [35]. Выбор между этими шестью вариантами, как он замечает, зависит от принимаемой метафизики и взглядов в философии языка, поэтому на них мы останавливаться не будем.

В экспрессивизме утверждается, что высказывая «S истинно» мы не приписываем свойство «истинно» к S, а указываем на наше согласие с предложением. Сказать, что «S истинно» эквивалентно «Я готов утверждать, что S» или даже «Да здравствует S». Приверженность этой позиции он находит в работе 1950 г. П. Ф. Стросона [50].

Другая теория — просентенциализм — предлагает считать предложения с предикатом «истинно» местопредложениями (presentences) на подобии местоимений (pronouns). Так, во фразе «Снег бел. Это истинно, но он редко

выглядит белым в Питтсбурге.» не утверждается, что-то о первом предложении, но «Это истинно» отсылает к «Снег бел» подобно местоимению. Эту теорию связывают с Д. Гровером [46, 47].

Важным будет упомянуть разнородность предложений с предикацией истины. Ф. Рамсей разделял два случая приписывания истинности предложениям: когда предложение дано эксплицитно или когда имеется его описание [29, с. 104]. В первом случае истина элиминируется достаточно легко, однако во втором случае возникают некоторые трудности. Мы не можем элиминировать слово «истинно» из предложения «Всё, что он говорит — истинно» без потери смысла. Первая часть предложения содержит лишь описание предложений, которые он говорит, но не даёт их эксплицитно. М. Лебедев отмечает, что просентенциальная теория позволяет выполнять обобщения и эта функция очень важна [2, с. 385]. Действительно, если бы мы не могли проинтерпретировать вышеприведенное предложение как «Для любого p , если он говорит p , то p — истинно», то нам бы пришлось перечислять бесконечный ряд конъюнкций.

Следовательно, экспрессивизм и просентенциализм находятся, с высокой вероятностью, в рамках той же программы, что и классический дефляционизм, а именно — дают ответ на вопрос «Что значит, что нечто истинно?». Существует также большая вариативность внутри, собственно, дефляционизма. Особого интереса заслуживает просентенциализм, так как позволяет делать обобщения и работает с более широким кругом форм предложений, нежели классический дефляционизм.

Подведём итоги главы.

Приведённые не-корреспондентные теории истины работают в рамках различных проектов теории истины. М. Даммит и Д. Дэвидсон занимаются теорией значения и касаются критериев истины исключительно в том ключе, что истина может играть определённую роль при формировании значения. Ответ второго — положительный, первый же, утверждает, что истина не играет центральной роли в теории значения, однако, подчеркивает её ценность как

цели языковой коммуникации. Дефляционные теории истины не ставят перед собой цели дать критерий истины, но вместе с тем отвечают «Что значит, что нечто истинно?», позволяют объяснить механизм предложений, обобщающих другие предложения. Когерентная теория истины - единственная из данных теорий, которая действует в том же проекте, что и корреспондентная теория и представляет альтернативу ей. Критерий истины выражается через отношение когеренции между высказыванием и заданным множеством высказываний. Первое должно находиться в отношении следования из второго. Вместе с тем, когерентная теория коррелирует с идеалистической метафизикой. Концепция А. Тарского принадлежит отдельному проекту, и её аппарат хорошо согласуется с различными теориями. Семантическое определение истины задаётся рекурсивно через понятие выполнимости. Таким образом, теории, анализируемые в этой главе, дают, если они это делают, неальтернативные критерии, между которыми возможно пересечение. В значительной степени это выражается у Д. Дэвидсона. Вместе с тем, теории, не дающие критерия истины, дают объяснение другим аспектам истины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышеперечисленного можно заключить, что выявление критериев истинного знания возможно только при анализе того вида знания, которое в принципе может обладать истинностным значением и при точном определении того, в чем же заключается истинность, что может быть сделано только при анализе, сопоставлении и классификации различных теорий истины.

Анализ знания показал, что не всякое знание связано с истиной — «знание как» и «знание вещей» с ней не связано. Истинным значением обладает только знание фактов — знание того, что имеет место. Такое знание выражается в предложениях повествовательной формы и является описанием, а не чем-то нормативным. Вопрос, касающийся уточнения процедуры обоснования: «Какое обоснование считать корректным, а какое — нет?» Этот вопрос до сих пор остается открытым.

Множество теорий истины носит не простой горизонтальный характер, а должно быть упорядочено, исходя из проекта или проектов, на которые пытается ответить тот или иной автор. Выделим такие проекты: (1) пытающийся ответить на вопросы «Что есть истина?» и «Каков критерий истины?» и отождествляющий эти вопросы; (2) пытающийся проанализировать истину семантически; (3) пытающийся ответить на вопрос «Что значит, что нечто истинно?» Условно сюда могут быть отнесены еще два проекта, которые касаются истины косвенно: (4) проект обоснования, пытающийся ответить на вопрос «При каких условиях можно обоснованно утверждать, что нечто истинно?»; (5) проект теории значения, который рассматривает то, какую роль истина играет в формировании значения. Также, представляется возможным дополнительно разделить теории по сфере их применения — в искусственных, идеальных, формальных или естественных языках. Так, в рамках проекта (1) действуют, в основном, представители корреспондентной и когерентной теорий истины; (2) представлена проектом А. Тарского; на вопрос (3) проекта отвечают дефляционистские теории и, частично М. Даммит; следование (4) проекту

прослеживается в работах очень многих авторов, если они смешивают или отождествляют теорию истины с теорией обоснования, в полной мере это представлено в когерентной теории обоснования и верификационизме; (5) проектом занимается Д. Дэвидсон и М. Даммит. Если говорить о втором разделении, то истиной в естественном языке занимаются Дж. Остин, М. Даммит, Д. Дэвидсон, поздний Витгенштейн. Другие авторы — Б. Рассел, Г. Фреге, ранний Витгенштейн, А. Тарский, Дж. Айер, Н. Решер, Бланшар анализируют истину в искусственных научных языках. Исходя из этого, прямое сопоставление этих философов с вопрошанием «Чей же критерий истины лучше?» выглядит некорректным. Другое предположение, что «Для каждой области лучше подходит тот или иной критерий» тоже оказывается проблемным. Можно говорить о таком разделении в областях аналитических и синтетических суждений; в областях модели идеального языка и естественного языка, но никак не в том смысле, когда области совпадают с делением наук или дискурсов.

Одним из важных аспектов проблематики истинного знания является место, которое начинает занимать обоснование. В истории аналитической традиции наблюдается постепенное смещение (не без исключений) в сторону отождествления истинности с обоснованностью. Отчетливее всего это выражено в области эмпирического знания. Можно заключить, что эмпирическое знание неудовлетворительно описывается в понятиях истинности и ложности и что всякая теория истины эмпирического знания должна быть теорией обоснования. Конечно, использование слова «истинно» продолжит существовать применительно к эмпирии, но нужно отдавать себе отчет в том, что эта «истинность» не тождественна той, которой обладают, например, тавтологии. Этот сдвиг связан с тем, что теории истины как таковой не дают практического критерия для определения того, что же является истинным, а теории истины как обоснования — могут его предоставить. Запрос на практичность, а не на абстрактность диктуется тесным взаимодействием аналитической философии с наукой — например, философии языка с

лингвистикой, а философии сознания с нейронауками. Однако практические критерии не дают универсального понятия истины, не говорят: «Что она есть?», вместо этого давая руководство для определения истинности конкретных высказываний. Поэтому и абстрактные критерии истины, и другие её аспекты также важны для того, чтобы можно было дать всесторонний ответ на вопрос: «Что есть истинное знание?»

Так, дефляционные теории истины и понимание истины как цели высказывания у М. Даммита вообще не дают никакого критерия истинности, однако эксплицируют другие важные аспекты истины. Первые, особенно в просентенциальном варианте, позволяют объяснить механизм обобщений; вторая, показывает ту роль, которую играет истина в языке. Теория Д. Дэвидсона пытается ответить на вопрос: «Как связано значение и условия истинности в естественном языке?» Это особенно важно, учитывая, что философ использует концепцию А. Тарского, которая использовалась последним в формальных языках, но Д. Дэвидсон применяет её на естественный язык, который богаче и сложнее.

Другим важным выводом является то, что помимо очевидности, гласящей, что корреспондентная теория предполагает реализм, обнаруживается и неочевидная связь когерентной теории с идеализмом. Когерентизм предполагает некоторую форму идеализма, если он используется как теория истины и не предполагает, если когеренция используется как теория обоснования. В связи с этим, выявление критериев истины, используемых кем-либо, может открыть также его имплицитные метафизические допущения.

Таким образом, исследование критериев истины может дать ответы и на вопросы знания, и на вопросы метафизики, представить практические механизмы определения истинности и (или) обоснованности. Продвижение в этом требует, прежде всего, создание четкой классификации теорий. При строгом задании предмета и областей, можно было бы допустить возникновение науки, скажем, — алетеистики или алетеологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Айер, А. Дж. Язык, истина и логика / Научное издание / Пер. с англ. В. А. Суровцева, Н. А. Тарабанова / Под общей ред. В. А. Суровцева. Альфред Дж. Айер. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. – 240 с.
2. Аналитическая философия [Электронный ресурс]: Скорректированная версия книги от 27.06.05 / Под. ред. М. В. Лебедева // Библиотека Fort/Da — Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/blinov-ladov-lebedev=analytic_philosophy.pdf (дата обращения: 04.06.2021).
3. Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост. вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. — М.: Изд-во МГУ, 1993 — 181 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Сер. «Памятники философской мысли». — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. — 288 с.
5. Витгенштейн, Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67 – 120.
6. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть I. / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 75—319.
7. Геттиер, Э. Является ли знание истинное и обоснованное мнение? / Э. Геттиер // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Пер. с англ., нем. — М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. — С. 231—233.
8. Гланзберг, М. Истина [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Казьминой // Brick of Knowledge. — Режим доступа: <https://brickofknowledge.com/articles/istina> (дата обращения: 04.06.2021).
9. Грязнов, А.Ф. Аналитическая философия / А.Ф. Грязнов. – М.: Высш. шк., 2006. – 375 с.
10. Даммит, М. Истина / М. Даммит // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Пер. с англ., нем. — М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. — С. 191—212.

11. Даммит, М. Что такое теория значения / М. Даммит // *Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова.* — М.: Прогресс, 1987. — С. 127–212.
12. Дэвид, М. Корреспондентная теория истины [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Кочинян // *Brick of Knowledge.* — Режим доступа: <https://brickofknowledge.com/articles/the-correspondence-theory-of-truth> (дата обращения: 04.06.2021).
13. Дэвидсон, Д. Истина и интерпретация / Д. Дэвидсон; пер. с англ. А.А. Веретенникова, Т.А. Дмитриева. — М.: Праксис, 2003. — 443 с.
14. Дэвидсон, Д. Когерентная теория истины и познания // *Метафизические исследования.* — СПб., 1999. — Вып. 11.
15. Киркэм, Р. Л. Теория истины: вводный курс / Пер. с англ. А. Е. Ухова. — М.: Флинта, 2020. — 624 с.
16. Ладов, В. А. Проблема реальности в аналитической философии // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2010. №4 (12). — С. 30—49.
17. Ладов, В. А. Формальный реализм. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — 132 с.
18. Логика, онтология, язык / сост., пер. и предисл. В.А. Суровцева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — 244 с.
19. Логинов, Е. В. Прагматизм, истина и проблема значения // *Epistemology & Philosophy of Science.* 2016. №4 (50). — С. 151—167.
20. Макеева, Л. Б. Джон Остин // *Философы двадцатого века. Кн. 3. М.: Искусство XXI век, 2009. С. 177 – 196.*
21. Макеева, Л. Б. Язык, онтология, реализм / Л.Б. Макеева. — М.: Высш. шк. экономики, 2011. — 310 с.
22. Михнюк, А. Н. Аналитическая традиция: поиски совершенного языка // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2011. №3. С. 12-19.

23. Новая философская энциклопедия : В 4 т. / Ин-т философии РАН. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с.
24. Новая философская энциклопедия : В 4 т. / Ин-т философии РАН. — Москва : Мысль, 2010. — Т. 4. — 736 с.
25. Остин, Д. Истина / Д. Остин // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Пер. с англ., нем. — М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. — С. 174—190.
26. Платон, Тезтет / Платон // Сочинения в четырёх томах. Т. 2. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. — С. 229—328.
27. Поносов, Ф. Н. Компоненты гносеологического ряда в аналитической философии // Теория и практика общественного развития. 2012. №4. — С. 33—38.
28. Райл, Г. Понятие сознания. Пер. с англ. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 408 с.
29. Рамсей, Ф. П. Факты и пропозиции // Философские работы / Ф. П. Рамсей, пер. В. А. Суровцева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — С. 101—114.
30. Рассел, Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел; общ. науч. ред. и примеч. Е. Е. Ледникова. — М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 399 с.
31. Рассел, Б. Об обозначении / Б. Рассел // Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. — Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2009. — С. 18—32.
32. Рассел, Б. Проблемы философии / Б. Рассел // Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. — Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2009. — С. 33—120.
33. Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел // Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целищева, В. А. Суровцева. — Новосибирск: Сиб. Унив. Изд-во, 2009. — С. 121—222.

34. Рорти, Р. Философия и зеркало природы. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. — 320 с.
35. Стольяр, Д. Дефляционная теория истины [Электронный ресурс] / Д. Стольяр, Н. Дамньянович; пер. с англ. Н. Шароповой // Brick of Knowledge. — Режим доступа: <https://brickofknowledge.com/articles/the-deflationary-theory-of-truth> (дата обращения: 04.06.2021).
36. Стролл А. Аналитическая философия: двадцатый век / Пер. с англ. В. В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. — 384 с.
37. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики [Электронный ресурс] / пер. с англ. А. Л. Никифорова // Библиотека Руслана Хазарзара. — Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/tarski01.htm> (дата обращения: 04.06.2021).
38. Философия языка: пер. с англ. / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. — Изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 208 с.
39. Финиковый компот [Электронный ресурс] / 2019. № 14. — Режим доступа: <http://datepalmcompote.blogspot.com> (дата обращения: 04.06.2021).
40. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 512 с.
41. Фреге, Г. Избранные работы / Г. Фреге. — М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. — 160 с.
42. Ходжес, У. Определения истины Тарского [Электронный ресурс] / пер. с англ. В. Казьминой // Brick of Knowledge. — Режим доступа: <https://brickofknowledge.com/articles/tarski-truth-definitions> (дата обращения: 04.06.2021).
43. Язык, истина, существование / сост. и пер. В.А. Суровцева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 240 с.
44. Янг, Дж. Когерентная теория истины [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Шароповой // Brick of Knowledge. — Режим доступа:

<https://brickofknowledge.com/articles/coherence-theory-of-truth> (дата обращения: 04.06.2021).

45. Burgess, A. G., Burgess, J. P. Truth / A. G. Burgess, J. P. Burgess // Princeton University Press, 2011.

46. Grover D. A Prosentential Theory of Truth / D. A. Grover // Princeton, N.J., 1992.

47. Grover, D. A Prosentential Theory of Truth / D. Grover, J. Camp, N. Belnap // Philosophical Studies, 1975. — Vol. 27. — № 2. — P. 73—125.

48. Künne, W. Conceptions of Truth / W. Künne // Oxford: Oxford University Press, 2003.

49. MacBride, F. Truthmakers [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/truthmakers> (дата обращения: 04.06.2021)

50. Strawson, P. Truth / P. Strawson // Symposium: Truth / Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes, 1950. — Vol. 24. — P. 111—56.

